

Оксана Цыганкова

Роман. В письмах

Письмо 1

люб, тебе дам во всем выиграть...
искар... я так любила тебя...
и твои ознобленные до...
письма. Мой графьянский
ай, тебе сразу, «Видишь письмо-
длинная с самого детства
в дариливай свой талант»
искар письмо дамо для меня не
поки мне смелость, но тебе же
кто не проводил, а ознобкой
наки - Ожарай то кто скажал,
ство. Я писала много и часто.
вросли, я то и дело слышала,

18+

Оксана Цыганкова

Роман. В письмах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55747066

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04914-7

Аннотация

Встретив мужчину, которого героиня любила всю жизнь, она не может успокоиться и начинает писать ему письма. Она вспоминает все, что было от знакомства до последней встречи. Заново переживает события и эмоции, так внезапно захлестнувшие ее когда-то. И заодно пытается решить, стоит ли их отдавать.

Содержание

От автора	4
Письмо 1	6
Письмо 2.	11
Письмо 3	18
Письмо 4	23
Письмо 5	27
Письмо 6	32
Письмо 7	37
Письмо 8	40
Письмо 9	44
Письмо 10	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

От автора

Это не должно было появиться. Я не планировала об этом писать никогда. Это слишком мое, слишком личное, и, вобщем-то, давняя история. У меня в голове есть два серьезных проекта, в некотором смысле может быть фундаментальных. Один даже не вполне художественный. Есть чем делиться с миром. И время пришло. Важно поймать, пока оно еще есть.

Никогда – очень смешное слово.

В этом, видимо, и смысл всей моей жизни – планировать, просчитывать до мелочей и делать совсем не то. Человек – парадокс, человек – противоречие. Об мою натальную карту все астрологи ломаются. Не то, чтобы я увлекалась сильно, просто в последнее время дарят постоянно такие штуки. Что-то в этом реально есть.

Вот и с книгами та же ерунда – я вынашиваю идею, точно знаю развитие сюжета, финал, а потом открываю ноутбук и оно само. Это не я, это все Настя ... Да, один из проектов так и называется – «Настя в моей голове». О том, как я дошла до жизни такой, что написала книгу, как я ее писала, что происходило в это время и чем все закончилось. Впрочем, оно и не закончилось.

Но в этот раз я ничего не вынашивала. Продолжение «Тропы» безнадежно заброшено, к фундаментальным я не

приступаю, жду прихода. Потому что отрываться нельзя. Пропустила три дня – все, книга не написана.

В этот раз я просто открыла ноутбук. Захотелось. И по-неслось. Мне хватило двух недель. Конечно, это не 200 страниц, но тем не менее.

Можно было писать и больше. Есть о чем. Но это уже будет очень сильно пересекаться с вышеуказанными проектами, и тогда я их точно не напишу. Я не умею одно и то же делать несколько раз. Сделала и все. Поэтому я не могу быть актрисой при всей склонности. Могу сыграть один раз. Если на репетиции выложилась, на премьере уже сдулась. Мне казалось, что может в кино это по-другому, но нет. Я попала на съемки и поняла, что там еще хуже. Поэтому я никогда не репетирую в полную силу танцы. Чтобы запала на сцену хватило. И один раз оттанцевав интерес теряю абсолютно. Поэтому и ставлю танцы быстро. Чтобы к следующему выступлению уже новый. Или этот измененный. Само выступление даже не так важно. Меня процесс захватывает. А после выступления уже все. Это как целей достигать. Наверно, поэтому мое существование сейчас бесцельное. Оно желательное и мечтательное. Так даже лучше получается.

Состояние было именно такое. Парящее. Я открыла ноутбук.

Письмо 1

Знаешь, ты сам во всем виноват... Эти твои оговорочки по Фрейду...

Уезжая, ты сказал «Пиши письма, не зарывай свой талант». Потом мы смеялись, но мы же оба знаем – сказал то, что сказал.

Письма... я так любила писать письма. Моя графомания развивалась с самого детства – написать письмо было для меня не просто не проблемой, а огромной радостью. Я писала много и часто. Повзрослев, я то и дело слышала, что мои письма спасли, помогли... Однокурсник уехал на год в Америку и вернувшись сказал, что только на моих письмах и держался. Я писала очень тепло...

Я все делаю тепло. Я просто не делаю то, что мне не нравится, вкладываюсь так, что мама не горюй. Потом переговорю и все. Уже не заставить... Поэтому жгу мосты сразу и навсегда. Хотя в нашем случае навсегда очень смешное слово...

Ты спрашивал меня в последний приезд, зачем я так – с одной порвала отношения, с другой... Как раз поэтому... Перегорело. Не искрит. Нет источника питания.

Я один раз долго жила в ситуации, когда нет источника питания. Источник в другом месте... а я почему-то в этом. Я больше не хочу туда.

Так вот письма. Я тебе тоже писала. Много. И ты мне всегда отвечал, хотя сам писать не любил. Ты вообще сразу стал самым близким. Но есть вещи, в которых мы себе не признаемся. А в 14 мне нужен был самый лучший. Самый. Лучший. Я даже помню, свадьбу свою так представляла – открытый лимузин, мы такие в полный рост, чтобы все вокруг видели, что мой самый лучший. Потом садимся в поезд и досвидания. Именно так, в одно слово. То есть люди вокруг нужны только чтобы утереть нос, а жизнь свою семейную я вообще никак себе не представляла.

Так то, спустя 30 лет ничего не поменялось. Нужен самый лучший. Желание показухи только отпало. Я пыталась идти на компромисс. Я вообще легко экспериментирую. Попытка была значительной и неудачной. Принесла много опыта и взрыв творческой энергии, сжавшейся в пружину за все долгие годы этого компромисса и вырвавшиеся наружу после моего полного освобождения. Это опять к слову об источнике. Точнее о его отсутствии.

Поменялся смысл слова лучший. Кардинально.

Так вот письма. Твои письма. Они были простые и короткие, но я радовалась им с каким-то просто поросычим восторгом. Я даже почерк твой помню. И конверты. Тридцать лет, а я помню твой почерк. Представляешь?

А потом я их выбросила. Все. Потому что мы много лет не виделись, и я подумала, зачем хранить прошлое? Видимо, ностальгия – не моя сильная сторона. Я села, разобрала

ла все письма и фотографии. Выбросила все из того периода. Нам же рано жить воспоминаниями. И я расчистила пространство для нового. У меня удивительные отношения с пространством, но сейчас не об этом.

Я расчистила пространство для нового, не учтя тот факт, что новое – это хорошо забытое старое. Недели, по-моему, не прошло, как позвонил старый друг и притащил меня к вам. Всем вам, которых я так любила и решила вычеркнуть из жизни, раз вы обо мне не помните.

И прошлое ворвалось в мою жизнь бурно и весело тем самым угаром юности, который обычно бывает в семнадцать, а меня нагнал в двадцать семь.

Удивительно, но пару месяцев нас с тобой просто разводило в разные стороны. Мы расходились на какие-то доли секунды – ты уже ушел, а я еще не пришла. Меня даже спрашивали – «Ромку не встретила?»

Во всем этом были какие-то свои тайные смыслы.

В последний твой приезд я говорила тебе, что вижу какие-то мирозданческие связи без претензий на истинность этого своего видения. Говорила по-другому поводу, но эту тоже увидела. Мне кажется, тебя специально уводили, чтобы я сначала нажралась вот этой моей радостью от встречи и от захватившего меня мира. Если бы ты был там, ты бы просто стал частью этого общего угарного веселья, а у жизни были свои планы.

Поэтому за пару месяцев я слегка подуспокоилась, и уже

все происходящее воспринимала как само собой разумеющееся, и вот тут то мы и встретились...

Я помню это как вчера. Я помню платье, которое было на мне в тот вечер... Мы столкнулись с тобой лицом к лицу в узком проходе и застыли оба. Не было ничего неожиданного встретиться в этом месте, и ты и я знали, что мы часто здесь бываем. Но мы застыли и стояли так какое-то время. Наверно у меня все тогда и началось... Наверно, у тебя тоже...

Но я не думала ни о каких отношениях. Не потому что это невозможно. Не потому что у тебя семья. Я просто об этом вообще не думала. Я была так рада тебя видеть, что все остальное для меня просто не существовало.

Наверно щенячья радость – это какое-то мое уникальное преимущество. Я просто не считаю нужным скрывать этот свой восторг, от чего бы то ни было. И да, я хорошо помню периоды, когда я так не считала. В детстве, а потом в этом своем компромиссе. Имидж, знаете ли... Хорошо, что я себя не убила этим имиджем. Так-то недалеко уже было. До сих пор последствия разгребаю.

Так вот, когда дар речи все-таки вернулся, ты вроде первый очухался. Сказал «Оксанка». Я это тоже помню как вчера. И голос, и интонации. Мы потом долго общались, Остапа несло. Не очень помню, кто из нас был Остапом в тот вечер. Ты вообще не очень многословный, но тогда прорвало. И потом часто еще прорывало...

Потом я приклеилась к тебе хвостиком и моталась с тобой

по разным твоим делам. Мне было уютно. Я в тот момент переживала разрыв с человеком, и с тобой было устойчиво. Переживала не в смысле горя, а в смысле проживания жизненного этапа. Наверно ты это как-то ловил, и это тебя как-то цепляло, потому что сам себя ты устойчивым не чувствовал. Эта ваша безумная затея земли под ногами не давала, другие твои жизненные обстоятельства тоже не добавляли...

Но это было все какой-то предтечей. Эта моя влюбленность не была адресной. Я сейчас переживаю что-то похожее, когда я просто настолько люблю каждое мгновение своей жизни, что периодически получаю обраточку типа «Чой это ты смотришь на меня такими влюбленными глазами?» Хотя в той конкретной ситуации дело было, конечно же, в тебе. Я была так тебе рада, что это просто не вмещалось ...

Да, я играю в эту игру уже так давно, что только сейчас, когда пишу, начала осознавать.

Я так была рада каждой встрече с тобой, но так боялась выдать себя, а потом еще и тебя, что смотрела на кого угодно, кроме тебя. Все 30 лет с того момента, как я себя осознала в любви, когда мы в толпе, я смотрю на кого угодно, кроме тебя. И чтобы начать разговаривать, нужно, чтобы все неожиданно исчезли. И когда я смотрю на других, мне часто такая обратка прилетает. Я не хотела ничего тебе ломать. Мне было достаточно того, что я чувствую...

Письмо 2.

Ты сам во всем виноват... Я правда не пыталась тебя соблазнить. Я просто была тебе так рада и так переживала, когда у тебя что-то не получалось, что аж дышать переставала. Я ни на что не рассчитывала. Я просто понимала, что тебе нужно, чтобы я была рядом и была. Это было так естественно. Я даже не пыталась распознавать свои чувства к тебе. До меня очень долго доходило, что это. И я очень хорошо помню, что было спусковым крючком. И как это сработало.

Вам было очень трудно тогда. Я была с вами почти каждый день и видела это своими глазами. Все, что я могла сделать, это просто верить в то, что у вас все получится. И я верила изо всех сил. И мне казалось, что те, кому по семейному кодексу положено делать то же самое, то же самое и делают. И я была просто поражена тем, как это не совпало с реальностью. Особенно у тебя. Я не следила. Просто не один раз такие разговоры проходили в моем присутствии. Я их не помню вообще, помню только потрясение от несовпавшей картинки. Я не понимала, как это вообще возможно. В моей жизни, в моих отношениях такого никогда не было. Я или верю в человека, или в моей жизни нет этого человека. Потому что какой смысл, если ты не веришь? Да, этот максимализм за 45 лет так и не выбили. До сих пор доверие – это главное. Я верю до последнего. Мир может рухнуть, а я буду

верить. А если перестала – то все. Досвидания. В одно слово.

И тогда я стала замечать, что не все гладко в твоём королевстве. И стараться заполнять те пустоты, которые физически в тебе ощущала. Я не думала, зачем я это делаю. Это просто была внутренняя вера в то, что так надо. Потребность.

Жизнь между тем текла своим чередом, и в ней было много всего прекрасного. Только вот Шекспир давно все написал о человеческих чувствах. Она его за муки полюбила, а он ее за сострадание к ним. Мы просто вписались в этот сценарий. Но не только это.

Я никогда не понимала, что у тебя в голове. Твой мозг – это моя эrogenная зона. Он меня захватил тогда и не отпускает. Это не исследовательский или профессиональный интерес. Не поэтому. Просто я очень быстро просчитываю людей. Я понимаю, как они поведут тебя в той или иной ситуации. Тут гордыня моя меня прямо подкармливает. А с тобой я никогда не понимаю... Ни один здравомыслящий человек так делать не будет.

Ты непрогнозируемый и совершенно потрясающий в этой своей непредсказуемости. Знаешь, если ты не исчезнешь из моей жизни, как это пару раз бывало в нашей истории, мне Альцгеймер точно не светит. Да, можешь считать, что я сейчас тебе призналась. Я постоянно думаю о тебе. Мне это не мешает проживать свою жизнь и брать от нее все. Ты просто есть в ней фоном. Всегда. Это мое особое счастье. Отдельное. О котором никто не знал. Теперь ты знаешь. Я все дет-

ство прятала свои чувства от людей, которые мне нравились, и много глупостей наделала.

Я боялась... Я так боялась понравиться и не понравиться одновременно. Я помню эту свою схему – сделать все, чтобы понравиться мальчику и, увидев первые признаки успеха, тут же свалить. Я всегда боялась отношений. А больше всего внимания со стороны других людей. Ты, наверно, сейчас в замешательстве. В твоей картине мира, скорее всего, я выгляжу несколько по-другому.

Я помню, когда мы с тобой встретились после ссоры и оба в тот момент были в своих устойчивых отношениях, мне постоянно в путешествиях мерещилась картинка – падает самолет, я звоню тебе и говорю: «Меня сейчас не станет. И я хочу, чтобы ты знал – я тебя люблю. Всегда любила». Как-то так – увидеть Париж и умереть. Жить после этого мне казалось совершенно невозможным. Даже странно, что когда я тебе это сказала, в другом контексте абсолютно, это было так весело и буднично. Да, любила всегда. А чего такого то?

Быть открытой – особая роскошь. Я долго к этому возвращалась. Сейчас-то я уже точно знаю, что когда я открыта, я получаю все. А когда начинаю играть, получаю обучающий пинок разной степени мощности. На мое счастье получаю очень быстро. Всегда знаю и за что, и зачем. И время мне досталось такое, когда открытость можно себе позволить. Повезло мне со временем.

Мне вообще везет. Всегда. На все. На людей. На тебя.

Я помню твой взгляд, который я иногда перехватывала, и я долго не понимала, что это такое. Взгляд был тяжелый. Я первое время думала, где я накосячила. Потом ты встряхивался, и мне казалось, что показалось. А позднее я как раз и начала задумываться, что у тебя в голове, когда ты так смотришь. Что ты там решаешь?

Но потом ты улыбался и все... Знаешь, я помню ракурс, с которого меня эта твоя улыбка захватывала до остановки дыхания. В машине, справа от тебя, ты что-нибудь рассказывал, вспоминал и улыбался и все... Оторвать глаз я не могла. Ты, наверно, не замечал, ты смотрел на дорогу. Ну или просто не верил в то, что это может быть адресно к тебе. Потом у тебя отлетело колесо, и ты перестал меня возить. Испугался. Или не отлетело, но ты заметил, что болтается. Но я уже была так включена в тебя, что это стало моим наркотиком.

Ты курил, а я чувствовала во рту этот вкус сигареты. Я иногда знала, когда ты позвонишь. Но нет. Я не собиралась тебя соблазнять. Я просто любила тебя со всем, что в тебе есть : твоими сомнениями, амбициями (да, в отличие от многих, я их видела. И спасибо, что не скрывал. Я люблю любить людей неидеальными, без иллюзий).

Это странно, но мне нравилось, что ты курил. Я глаз не отрывала от твоих рук с сигаретой. Очень красивые руки. Немного нервные, пальцы длинные. Мой фетиш. В таких руках как-то даже киношно получалось.

Это сейчас я не выношу курящих людей и запах, а тогда

я смотрела на твои руки и дышать переставала. Черная футболка с коротким рукавом и загорелые руки. Мне хотелось провести пальцем. Уже потом, когда дистанция сократилась, я помню, как первый раз это сделала. Завершила гештальт. Хотя тогда я и слов то таких не знала. Я просто затаив дыхание водила пальцем, а у тебя глаза темнели. И слышно было, как сердца колотятся так, как будто выскочат сейчас. Темный зал, маленькая лампочка, черная футболка, и я пальцем по бицепсу вожу.

Но ты делал что-то невероятное. Приближал. Отдалял. Сегодня было можно погладить, а завтра ты ближе трех метров не подходишь. Я приняла правила игры. Я ничего не делала сама. Вот с тобой я стала ведической женщиной. Ты мужчина. Ты и решай. Я тебе верю. Как ты решишь, так и правильно. Наверно, это было трудно для тебя. Если бы я тебя соблазняла, ты бы точно нашел силы сопротивляться. Ты сильный. У тебя Дух такой, что всем бы подтянуться. А тут все настолько решал ты, что это ставило тебя в тупик. Я просто была в шаговой доступности, смотрела огромными влюбленными глазами и не отворачивалась. Если честно, я настолько была уверена, что ты никогда черту не переступишь, что вообще не парилась по этому поводу. Ну люблю. Ну вижу, как тебя ко мне тянет. Но ты же скала.

Все сломалось об копченую курицу. Ох уж эта копченая курица, роковая птица моей жизни. В тот год я впервые решила выдержать Пост и долго у меня получалось. Мы еще

и в этом с тобою совпали. Но у тебя были глубокие убеждения, а у меня тяжела семейная ситуация. Тогда пропал мой брат, и родители сворачивались на глазах. Я тогда, особо не веруя, сказала «Господи, если ты есть, пожалуйста, помоги. А я буду держать Пост». На следующий день позвонил мой друг и сказал, что нашел брата в больнице. Живого и условно здорового. И я стала держать Пост. Это тоже фамильное Цыганковское – моя прабабушка тоже давала слово Богу, когда спасала свою умирающую дочь. Дочь спасла, слово сдержала. Может, расскажу когда-нибудь, это сильная история. Так что я с такими играми в моей семье была не первая. Держала Пост по-честному.

Но потом я пришла к вам, а у вас на столе были две огромные тарелки с курицей и я сломалась. Ела ее с упоением и удовольствием. Грешила.

Вот и в этот раз было лето, вечер и у вас была курица. Мы были вчетвером, много смеялись, ели эту курицу и пили пиво. Был какой-то такой безумный летний флер, и я абсолютно не ждала никакого подвоха. Ты как-то приобнял, но это было вполне в рамках нашего с тобой общения, приобнимал периодически. Но тут ты не остановился. Прижал к себе и первый раз поцеловал. Куда в тот момент эти двое делись, я не знаю, но наверно это было остро – сделать то, что давно хотел в те короткие секунды, пока никого нет. А я пропала.

Я к тому времени уже получила предложение руки и сердца и радостно отказалась, поставив галочку в мозгу – пункт

выполнен. Досвидания. Пережила роман с мегакрасивым московским видеоинженером, монтировавшим клипы вполне себе знаменитым музыкантам и похожим как две капли воды на молодого Траволту. Пережила первый опыт совместного проживания с человеком, к которому особых чувств не испытывала. Ну секс. Ну оргазм. Ну гражданский брак.

То есть девушкой была уже в меру опытной. Но ты был не похож ни на что из вышеперечисленного.

У меня отключился мозг. Сразу. До сих пор ты первый и последний человек, во время близости с которым мне овец считать некогда. И нечем. Но тогда мне хватило даже поцелуя. Рома, восемнадцать лет, а я помню твои теплые губы.

Письмо 3

Мне надоело начинать каждое письмо с одной и той же фразы. Я только что вошла домой первый раз после того, как мы из него вместе вышли, и увидела на столе две невымытые чашки, засохший блин и кофейник. Меня такая волна счастья захлестнула. Я даже убирать не хочу. Это так трогательно...

Блины, кстати, реально вкусные. А я даже ничего не почувствовала. Ты вообще когда рядом, я есть совсем не хочу. Мне так хорошо от того, что ты рядом, что ничего заедать не надо. Наверно поэтому тогда, когда мы были условно вместе, я была такая стройная.

Когда мы встречались с тобой в кафе в Москве, после того, как ты выкарабкался из всего этого ужаса, ты меня спрашивал, почему я ничего не заказываю. Я реально есть не хотела. Иногда, когда ты уходил, на меня нападал жор, а иногда я целый день есть не хотела.

Так вот губы. Когда ты меня поцеловал, я поняла, что такое чувственные губы. Вот как-то не в технике дело. Целовались долго с упоением, пока эта парочка не вернулась. И потом весь вечер, когда эти отвлекались, целовались опять. Сердце у меня было где-то в пятках, и я не понимала, сон это или реальность.

А утром я увидела кружку с курицами. Сейчас не очень

помню надпись, но какая-то она была очень втемная. А кружка синяя. Я неслась к тебе с этой кружкой через весь город, мне так хотелось, чтобы ты тоже посмеялся. Но ты кружку не взял и сказал (первую часть фразы я не помню)

— А курица была жирная и копченая. И незачем ее вспоминать.

Ну незачем, так незачем. Кружка была зачетная и осталась у меня. Я ее выкинула тогда, когда выкидывала тебя из своей жизни. Не в первый раз это делала, были же уже письма...

Мы стали делать вид, что ничего не было. Хотя уже не очень получалось. Ты подходил все ближе и как бы случайно задевал все чаще. Мы смотрели друг на друга уже не втихаря.

Как-то так все и тянулось. Однажды мне позвонила Таня и позвала пирожные есть. Те самые, которые божественно пекла кондитерша в нашей столовке. А я занята была, приехала ближе к вечеру. Уже ни людей, ни пирожных не было. Только ты один. Мы с тобой болтали целый вечер. А в одиннадцатую я попросила тебя вызвать такси.

— Вот теперь я тебя точно никуда не отпущу.

Я так в пол и вросла. Не могла поверить. Я боялась на тебя глаза поднять, вдруг ты пошутил или передумаешь.

Но ты не передумал. Что такое перещелкнуло у тебя в голове тогда? И да, Рома, восемнадцать лет, а я помню твои руки... Твои пальцы. Твою нежность.

Вот это было впервые. В ту ночь я и поняла значение слова нежность. В моей жизни была страсть и от замороженности,

любопытство и удовольствие, а вот нежности не было. До тебя. То, как ты меня изучал тихонько, рассматривал, поглаживал, эти глазища твои – бусины темные, я оторваться не могла. В нашей с тобой профессии это запросто можно посчитать импринтингом. Если бы я не была в курсе про твою дочь, я могла бы подумать, что я у тебя первая. Столько трепета было в этой близости. Такое ощущение, что ты меня разбить боялся.

Это было какое-то нереальное совпадение. С тобой удобно было спать. Я сейчас в буквальном смысле. Именно спать. Я как-то в любом положении с тобой совпадала. И ты всю ночь обнимал, из рук не выпускал, и это тоже было удобно. Я легко засыпала и мне ничего не мешало. И просыпалась также, как и уснула. Ты обнимал. Не нужно было никакого пространства, так слепились. Знаешь, ни до, ни после вот так удобно не было. И в автобусе уснуть у тебя на плече, и в палатке было просто как в лего – совпали, соединились и не расцепить.

Я проснулась от того, что ты на меня смотрел. Глаза итак темные еще темнее. Опять же ни до, ни после никто так не любовался. Наверно, ты был первый, кому я позволила. До этого я терпеть не могла повышенное внимание к себе.

По сути, ты и сделал меня женщиной. Я позднее поняла, что женщиной делает не тот, кто девственности лишает, а тот, кто меняет твоё мироощущение. У меня не было с тобой секса. Я занималась любовью. Я поняла разницу в ту ночь.

Год назад я начала писать книгу и под это дело поехала на море к подружкам. Смехом мы обсудили мою эротическую фантазию о главном герое. Девочки прочитали и сказали, что там ни эротики, ни фантазии, а все заканчивается фразой «так все и случилось». И как-то мы разговорились о любви, о совпадениях, о близости ну и я вспомнила один эпизод из нашей с тобой жизни. В подробностях. Даша тогда сказала мне – вот это и нужно писать.

Так что все сцены списаны с тебя. Кроме первой брачной ночи. Это отдельная история для совершенно другой книги – то, как я первую брачную ночь описывала, но все остальное это ты.

Понятно, ты себя не узнал. Я вообще не уверена, что ты что-то помнишь. Твоя память – это еще одна моя эрогенная зона. Я так никогда и не узнаю, что ты реально забывал, а что было удобно не помнить. Иногда кажется, что память нам тоже общую дали. Большая часть у меня. Меня вообще жизнь щедро одаривает.

Уезжала я рано, чтобы не встречаться ни с кем. Мы так и целовались, пока ждали такси, пока я вещи срочно собирала, когда в машину садилась.

Естественно, ты исчез. Ушел в свои внутренние процессы. Я тоже. Я осознавала произошедшее, и мне было сладко и ужасно одновременно. Я не понимала, как мы с тобой встретимся в следующий раз. И еще мне казалось, что это так заметно, что я просто не хотела нас выдавать. В отличие от

большинства любовниц у меня не было ни малейшего желания уводить тебя из семьи. Я представляла тот скандал, который возникнет в нашем благородном семействе, если кто-то о нас узнает, и мне было жутко.

Но потом захлестывала волна воспоминаний о той ночи, бросало то в жар, то в холод, голова кружилась. Мой мега-мозг, который как у дельфина, полностью никогда не засыпал, отключался напрочь даже от воспоминаний.

Письмо 4

Я так ждала новой встречи и так боялась ее, что каждый раз прокрадывалась бочком, а сердце колотилось так, что могло просто выскочить. Но реальность все ожидания превзошла.

Естественно, ты сделал вид, что ничего не было. Ты в очередной раз поставил меня в тупик.

Знаешь, я с тобой прошла такую школу мужских манипуляций, что потом с другими мужчинами на меня это уже вообще не действовало. Я замечала эту их игру раньше, чем они ее начинали, и была готова к любому боевому действию абсолютным отсутствием реакции. Наверно, поэтому у меня такая репутация....

Но в твоем случае я так и не смогла понять – специально ты это делал? Просто пытался справиться с тем, что на тебя нахлынуло? Реально ничего не помнил?

За твою голову очень удобно прятаться. Зачет. Если бы у тебя не было травмы, ее стоило бы придумать. Твоя рассеянность была поводом постоянного смеха для всех и какой-то иррациональной нежности для меня.

Я приняла правила игры. Ты играл в свои игры разума, я наблюдала молча. В конце концов, это был потрясающий опыт наблюдателя, в жизни он мне потом часто помогал. А ночь, проведенная с тобой, дала какой-то нереальный эмо-

циональный заряд и бабочек в животе. Не то, чтобы до тебя я оргазма не испытывала. С этим как раз все в порядке было. Получать удовольствие от любого действия это что-то вроде девиза и способа жизни. Переданного от бабушки по наследству. Но то, что я чувствовала просто от прикосновения к тебе, было космосом. Все то техническое удовольствие ничего не стоило...

Я не страдала тогда от этой своей бестолковой влюбленности. Я открывала какие-то неизведанные миры, ранее мне недоступные. По большому счету до тебя я себя считала бесчувственной. Мой первый сексуальный опыт вообще с влюбленностью ничего общего не имел. Просто некоторые мои одноклассницы уже успели родить и развестись, а я еще даже не попробовала. Я и выбрала из огромного количества прекрасных парней того, которого не жалко. Нормальная такая мотивация. Там парню просто крышу снесло, он всерьез верил, что если он – первый мужчина, то я влюблена без памяти. А у меня был чисто исследовательский интерес. Я изучала процесс без малейшего подключения эмоций. Наверно, из меня мог выйти неплохой ученый. Мозг сканировал, раскладывал по полочкам, отмечал – здесь странно, это приятно, а просыпаться по утрам с этим человеком я не хочу.

Да, для меня, пожалуй, определяющее – хочу ли я просыпаться с человеком утром. Каждое утро с тобой было прекрасно и наполнено. Мне не было стыдно ни за что.

Я очень рассветная женщина, утро – мое время. Но об

этом позднее. Сейчас о понятиях.

Я очень легко говорила слово «люблю» любому своему партнеру. Мне не сложно, а его колбасит. И даже реально в это верила. Ну как мальчик. Мальчик же никогда не врет, когда говорит, что любит. В те три секунды он в это искренне верит.

А тут я постигала разницу между отношениями и чувствами. И эта разница была потрясающей. И не было ничего похожего. Раньше, когда мальчик нравился, конечно, тоже потряхивало, коленки подгибались, но заполучив подтверждение взаимности, я не просто теряла интерес, я пряталась и встречаться не хотела.

В тебя я погружалась как на глубину океана – сначала дышать нечем, потом затягивает. И чем глубже, тем больше хочется. Потом понимаешь, что надо бы воздуха глотнуть, карабкаешься со всей силы наверх, а вдоха уже не хватает, слишком глубоко.

Чем ближе ты подходил, тем ближе подходила я, как только ты отходил назад, я останавливалась как вкопанная и микрировала. Получается, я сокращала дистанцию.

Знаешь, я вот всем желаю пережить то, что я в тот год пережила. Я узнала столько нового о себе, что ни за что не променяла бы эти мои американские горки на спокойную жизнь.

Когда я все-таки устала от потрясений и сбежала в комфорт и предсказуемость, я изо всех сил желала человеку, который рядом, пережить что-то похожее. Мне было просто

страшно представить, что можно вот так спокойно прожить без великих потрясений, и так и не узнать весь спектр этих эмоций и ощущений: и когда ты получил удар под дых и не понимаешь, как сделать новый вдох, и эту сладкую истому, которая заливает до самых пяток от случайно перехваченного взгляда или задевания рукой, этих дрожащих рук от телефонного звонка, когда в кнопку не попадаешь.

Правда, в нашем с ним случае, это мое пожелание приняло какой-то уж очень извращенный оборот. Уйдя от меня, он стоял под моими окнами, наблюдая и прячась, чтобы я не заметила, каждые пятнадцать минут залезал в мой вк, чтобы посмотреть, когда я там была, выслеживал, приезжаю ли я на дачу через щель в заборе и полыл мои грядки. То есть пережил все то, чего я ему так желала по отношению ко мне после десяти лет абсолютно ровных семейных отношений. Когда я ему этого желала, я как-то это по-другому представляла. В моем по тебе сумасшествии я до такого и то не доходила. Даже наши с тобой игры разума до такой фигни не додумались. Хотя, с другой стороны, я же знаю только свою версию развития событий, твою ты мне так и не рассказал.

Письмо 5

Честно, середину я плохо помню. Все-таки больше пятнадцати лет прошло. Помню, что когда ты в следующий раз решился, ты начинал все сначала. Так, как будто того раза не было. Опять говорил, что это неправильно, приближался и отодвигался, а я все понять не могла – ну ладно в первый раз. Но сейчас то уже перейден Рубикон! Потом мне стали в голову закрадываться мысли, что ты реально тот раз не помнишь. Ох уж эта память твоя избирательная!

Жизнь реально интереснее кинематографа. Через три года вышел фильм «50 первых поцелуев» и все бурно его обсуждали, а я все это уже пережила. Я тогда первый раз задумалась, что об этом можно писать роман. Даже придумывать ничего не надо. Но ты был так узнаваем, даже смена имени не помогла бы, а я не хотела тебе ничего ломать.

Я и сейчас пишу, почти не употребляя ни конкретных слов, ни имен и это ничего не спасет – ты узнаваем. Просто ты действительно уникальный во всем – в мироощущении, в поступках, в косяках.

Так вот, ты начинал все сначала. Какое-то время я бесилась, потом меня вся эта история стала даже забавлять. В этом был особый кайф – каждый раз та же самая нежность, нерешительность даже, трепет. Первый раз ты даже посмелее был. Там ты видимо решился и летел вниз. Это как с

парашютом прыгнуть – шаг уже сделал, нет смысла дергаться, уже летишь. А в последующие разы как будто еще только пытался этот шаг сделать.

Вот уж где я научилась принимать и отпускать ситуацию. Сейчас это модно, этому из каждого утюга лечат, а тогда это был вообще единственно возможный способ существования. В твою голову залезть невозможно и на что и когда ты решишься в следующий раз, было абсолютно непрогнозируемо. Если сидеть и ждать этого события, можно поехать крышей.

Поэтому я жила на всю катушку. Нет, в моей жизни не было другого мужчины, хотя шансов было миллион. У меня просто не было потребности в другом мужчине. Любовь с тобой так отличалась от секса и так заряжала, что мне этого хватало от близости до близости. Как ни странно, несмотря на всю невротичность нашей ситуации, ты меня усиливал и уравнивал. Ты давал мне землю. А когда мы расходились, я взлетала.

Я помню, когда я ехала к тебе в тот самый первый раз, у меня было такое светлое чувство, что я даже пожалела о безвинно прибитом комаре. Вроде и не кусал меня, так по инерции замочила. А после близости захотелось убить комара...

К чему это я? Возвращал на землю. В хорошем смысле этого выражения.

Но от близости до близости проходило много дней, твоих сомнений, твоих попыток опять стать друзьями, и в это

время у меня было много встреч, событий и работы на трех работах сразу.

Я вообще жадная была до работы и до событий.

Но одну нашу встречу я все-таки помню очень хорошо. Ты даже не сам мне позвонил, а уговорил Таню. Зачем тебе это было нужно, я не поняла, я бы итак неслась к тебе босиком по стеклам, но наверно для тебя это было неочевидно. И ты не решался, боялся услышать, что я не могу. Поэтому звонила Таня. Вы уже где-то гуляли втроем еще с одним твоим другом, и ты уже нормально принял, почти засыпал за столом, поэтому мы полночи над тобой подшучивали. Как раз Розембаум пел про «А Ромка этого уже не видит», и это было очень по ситуации.

Если бы я только подумать могла, как поменяется смысл этой песни на буквальный через восемь лет!!! Как я буду кричать «Выключи!», потому что даже на мгновение не позволяла себе допустить мысль, что ты не выкарабкаешься.

Но до этого было еще далеко, а до тебя, такого счастливого, такого расслабленного (сколько пива вы уже успели выпить?) рукой подать.

Как-то мы всей толпой ко мне домой переместились, там ты залег на сундук и валялся, а я сидела рядом на полу и думала, что вот она, кажется, формула счастья – просто ты в моем доме. Можешь вообще ничего не делать, на диване валяться, а я буду смотреть на тебя и все. Впрочем, как-то раз, перед тем как поссориться, я это тебе уже писала. И по-

дарила на диске на новый год. Я так и не узнала, прочитал ли ты это когда-нибудь... Тогда мне это казалось чем-то сродни письма Татьяны Лариной. Не так давно нашла, перечитала, ничего особенного.

Таня с Лешей громко ссорились в этот момент. Они оба понимали, что мы хотим вдвоем остаться, но Леша это как-то грубо-командно обозначил, и Таня пошла на принцип. Мы молчали оба с тобой, друг на друга смотрели и ждали, что само рассосется.

Это вообще стало лейтмотивом в дальнейшем – ждать, что рассосется само. Была какая-то вечеринка, когда все семьи пришли и что-то отмечали. А ты утащил меня на улицу, и мы там целовались упоенно. Мне вообще было все-равно, я волю теряла. Ты берешь меня за руку, и я иду за тобой хвостиком без оценок и без анализа. А тебе наверно, остроты добавляло. Когда время нашего отсутствия перестало быть приличным, мы вернулись в помещение, и Таня спросила – он тебя специально что-ли под камеры потащил, чтобы все увидели и все само решилось? Так что сцена про хоум-видео в книге тоже не совсем придумана.

А тогда из моей квартиры Леша Таню все-таки увел, мы дорвались друг до друга. Почему я именно это вспоминаю? Потому что до этого все было условно-прилично, всегда один и тот же диван, выдержавший на себе много разнообразного греха. А тут реально, где встретились, там и упали. Не могли и шага сделать. Я то всегда как бандерлог перед

удавом волю теряла – мы только остались вдвоем, у меня ни мозга, ни воли, делай, что хочешь. А в этот раз ты очень хотел.

Это было новое. Куда твой сон делся? Куда делась эта твоя нерешительность? Я не знаю, сколько времени прошло, счет потеряла, но как-то немало. Ты такси вызвал, домой ехать. Пообещали минут через пятнадцать, и ты на улицу засобирался, покурить, отдышаться. Но не смог.

Так мы с тобой занимались любовью в коридоре прямо на полу. Это было такое безумие, со мной впервые. Обычно меня смешат эти постельные сцены в фильмах, где они до кровати дойти не могут, но в моей жизни это тоже было. Именно это я потом писала в книге, когда герои навсегда расставались.

Письмо 6

Интересно все-таки, почему я в тебя так влюбилась тогда? Ведь я знала тебя сто лет!

Мне кажется, что вот этот трепет в мою сторону добирался куда-то очень далеко. Или вот это абсолютное знание, что я нужна тебе рядом. Оно как-то через спинной мозг заходило. Это было очень сексуально – чувствовать свою необходимость. Такое ощущение, что это откуда-то свыше было. Как мы умудрились это поломать?

Как это сломалось у меня, я помню. Я начала тебя ревновать. Опять же ни до, ни после я никого не ревновала. Мне это незнакомо было. Бывали неприятные осознания, но ревности не было.

А тебя я начала ревновать. Первый раз меня это кольнуло, когда мы уехали на Костромские разливы. И ты куда-то исчез. А я не понимала, мы так мало бываем вместе, зачем тебе кто-то еще, если здесь есть я?

Сначала вы с Таней решили Волгу переплыть, а я не захотела, чтобы ты уплывал без меня. В отличие от вас я плавать не умела.

С середины Волги ты обстановку оценил и решил развернуться. Я доплывала из последних сил и молчала. Меня трясло. И тогда у меня в голове стучало, что больше никогда, ни из-за одного придурка я жизнью рисковать не буду!

И ты знаешь, да. Никогда ни из-за одного придурка больше. Вся моя теперешняя дурь исключительно для меня самой. Из-за этого почти ни один инструктор со мной справиться не может – пока я сама не решила, меня невозможно заставить. Никакое слабо, никакое мое отношение к человеку не заставит меня сделать то, на что я еще не готова. Я ловлю состояние и тогда делаю шаг.

Очень долго только Руслан, заменивший мне отца после того, как папа умер, мог вдохновить меня на прорыв. Просто у меня к нему такое доверие, что реально не боюсь. Он тренер от Бога. Там состояние сразу приходит.

А вот то мое доверие к тебе куда-то ушло. После того, как утром вместо того, чтобы быть со мной, ты исчез с Таней, я ревновала тебя к каждому столбу. Мне все-время что-то мерещилось.

Это очень странное состояние большинства любовниц. Мы не ревнуем к женам. Большинство любовниц с женами скрыто конкурирует, пытается перетянуть на себя, но не ревнует ни секунды. Это как нога. Она есть. Но ревнуют к каким-то незначимым мимо проходящим. Мне даже интересно узнать твою версию – почему?

А я тогда первый раз задумалась о том, что надо как-то из всей этой истории выбираться. Что это уже не любовь, а болезнь. Что мое состояние мне не нравится. То, что мне давало столько сил и счастья, стало меня изводить.

Но в этот момент ты стал принимать решение об уходе

из этого бизнеса. И я тебе снова понадобилась. С этой своей безусловной поддержкой любого твоего решения. С этим моим безусловным принятием всего, что ты решишь. Ты просто не мог тогда поговорить об этом с кем-то еще.

Мне не нравилась твоя идея идти туда, куда ты собрался. Я вот ни секунды не верила, что тебе там хорошо будет. Эта структура вызывала у меня такое отторжение, она была фальшивая насквозь, но ты видел в этом какой-то смысл.

А я, как помнишь, в твоих руках стала женщиной ведической. Ты мой мужчина, и я в тебе не сомневаюсь. Как ты решишь, так и правильно. А я всегда играю на твоей стороне. Даже если мне эта игра не нравится.

И ты ушел. В каком-то смысле стало даже легче. Как ни странно, новые возможности открылись не только перед тобой, но и передо мной. Я вдруг стала работать душой, смотреть влюбленными глазами на знаменитых людей, иметь к ним неограниченный доступ, а мне за это еще и доплачивали.

Тебе тоже мой выбор не понравился. Ты даже считал себя виноватым в том, что я оставила свою работу и целиком взялась за твое бывшее дело. Ты себе по другому эту картинку представлял. Но я уже ничего не боялась. Чуйка моя говорила, что все хорошо будет и не подвела.

Я вообще чаще жила и принимала решения не из состояния страха, а из состояния любопытства. У меня была безграничная вера в успех того, что мы делаем. Ну, я писала уже

– или я верю, или зачем?

Я с головой ушла в новых людей. С тобой мы иногда встречались и созванивались, любовью занимались очень редко. Не видишь – не бредишь. Ну и лето прошло, количество мест, куда можно было прийти, сократилось резко.

Мне все нравилось, тебе поначалу вроде тоже. Какое-то время мы обменивались впечатлениями, как там, на новом месте, но вот это волшебство ушло.

Я даже начала как-то влюбляться в других людей. Благо их мимо проходило огромное количество.

Музыканты люди харизматичные. Не все, конечно, но многие. Творчество – очень сильная хрень, она впаивает в себя. Ну, собственно, как любой профессионализм, куда кроме технического совершенства вкладывается еще и душа. Я помню, когда мне было чуть больше двадцати, я глаз не могла оторвать от мальчика, который резал колбасу. Мальчик уже был профессиональным поваром, хотя был меня младше на три года, был влюблен в меня с тринадцати лет, мы только увиделись после трехлетнего перерыва и он хотел произвести впечатление. И произвел. Я почти влюбилась. Поэтому к музыкантам меня тянуло. Да еще с моим-то отношением к людям и музыке. Люди и музыка – это все, что меня вдохновляет.

Все мои прорывы я делала под впечатлением от людей и под конкретную музыку. Я даже список могу составить – песня такая-то – достижение такое-то.

Странно, но с тобой у меня нет никаких музыкальных ассоциаций. Нет, помню, конечно, что ты любил, но именно моей ассоциации нет. Есть очень много музыки, попадающей в те состояния, которые с тобой связаны, но вот так, чтобы одна... Видимо, ты заполнял собой все. Видела и слышала только тебя.

Наверно, ты и удерживал меня от этих романов с известными людьми, других сдерживающих факторов точно не было, а поклонения было очень много. После общения с музыкантами я легко могу поверить во всех внебрачных детей. Мне просто это не нужно было. Влюбленность в них была, включенность тоже, а вот близости не хотелось. Слишком ярко было то, что было с тобой. Я не хотела это перечеркивать.

Тем более на первых концертах ты всегда был тоже. Ты мог даже близко не подойти, но это было неважно. Я могла тебя даже не видеть, я спинным мозгом точно знала, где ты есть.

Письмо 7

Вообще это очень интересная штука – моя влюбленность. Я еще со школы влюблялась очень сильно, глубоко и надолго. На года. Но потом, вспоминая этот период, я вычисляла, что параллельно была влюблена и в других людей, покороче и попроще. Видимо, моя влюбленность – это необходимое состояние для жизни. Я просто перестаю жить, когда я не влюблена. Я осознала это не так давно, после ухода Сережи. Я никогда не была в него влюблена. Я к нему была привязана, он был мне другом по дури и братом, поэтому мне было с ним очень комфортно отношенчески. Но у меня не было источника для творчества. Я просто запретила себе влюбляться в других людей, душила любую симпатию, потому что это бы сломало мой комфорт. Я медленно умирала. Ведь я не позволяла себе чувства. Это не только из-за него. Это еще и из-за тебя. В тот период я категорически вычеркнула тебя из своей жизни вместе со всем, что я к тебе чувствовала.

Сначала я перестала петь и танцевать, потом я перестала жить. Все превратилось в автоматизмы. Тогда я полюбила землю. Я ковырялась в земле, даже не надевая перчаток, потом любовалась своими грязными ногтями и ждала, когда из земли что-то появится. Но до этого еще было несколько лет и потрясений...

Одно из них было, когда ты пришел на какую-то вече-

ринку, напился и пошел на сцену объясняться мне в любви. Конечно, не таким прямым текстом. Ты просто много говорил про меня, что если бы не я, то...но смысл то был очевиден. Все то, что ты держал в себе, активно лезло из тебя под воздействием. Но так публично было впервые. Мне было и смешно и бросало в жар одновременно. Смешно, но я как моя собака, стала любить в тот период пьяных людей.

С псом моим так получилось – завести его хотела только мама. Мы все были против. И приняли его в семью очень сдержано. Но стоило кому-то из семьи подпить, мы сразу лезли его обнимать и целовать, и пес раз и навсегда усек, что пьяные люди добрые. Потом мы его, конечно, полюбили, он был просто Божьим даром и его любили даже те, кто собак в принципе не выносил. Но он облизывал на улице любого алкоголика.

Вот так и я, увидев, что когда ты выпьешь, у тебя распускаются руки и развязывается язык в самом прекрасном значении этих слов, я полюбила некую степень твоей алкоголизации. При моем абсолютном неприятии пьяных людей. Она позволяла мне хотя бы чуть-чуть узнать, что творится в твоей голове.

А еще помню, как мы с тобой после близости разговорились о сеновале. С чего началось, не помню, скорее всего, я рассказала тебе, как мы купались и уснули потом в стогу, но ты сказал так многозначительно: «Ах, Оксанка, в сене все делать хорошо». И так понятно было о чем это ты, что у меня

до сих пор навязчивая идея. Я с тоской смотрю на эти свитые тюки и думаю, а вдруг где-то еще остался самый нормальный сеновал, куда можно забраться и заниматься любовью в этом пряном солнечно-травяном запахе, чувствуя покалывание, а потом снимая соломинки друг с друга...Боже, даже сейчас ударяет...

И это твое «Ах, Оксанка»... Меня вообще все друзья того времени так называют, но от твоего мурашки по позвоночнику. До сих пор... мы можем с тобой о чем-то говорить в рамках вполне светского обмена любезностями, но если ты говоришь «Оксанка» мурашки бегают...

Видишь, время такая условная штука... А память – безусловная...

Письмо 8

На этом, собственно, красивая история заканчивается. Но есть кое-что, о чем хочется тебе написать. О тебе.

Ты был каким-то удивительно красивым. По мужски. Я до тебя вообще особо не морочилась деталями, телесность меня мало интересовала и в мужчинах и в женщинах. Сейчас у меня случился инсайт. До этого у меня все отношения были только в голове. А ты подарил мне ощущение тела. И моего, и вообще. Да, точно, именно в это время тело захватило меня как объект, и когда тебя не стало в моей жизни, я ушла в этот вопрос и с головой, и телом. По сути, через тебя я получила свое предназначение. Я стояла у истоков и получала информацию напрямую.

Это сейчас об этом модно говорить, и слово «психосоматика» не использует только интернетофоб. А тогда это было потрясение. Я просто видела, как мысли связаны с болезнями. Я разговаривала с человеком и понимала, какой диагноз он себе сейчас зарабатывает. Я легко постигала телесноориентированность и была одной из самых проводимых в группе участниц. Я руками чувствовала сгустки энергии в теле и умела ее перераспределять. Передо мной такая захватывающая картинка развернулась! Тело оказалось не менее интересным и возбуждающим, чем мозг. Даже твой.

Так вот о тебе. Ты был удивительно красивым. Дело не в

канонах. Дело в деталях. Губы...Руки...Пальцы... Глаза... Ну и то самое мужское. Я могла смотреть на тебя часами, если бы у нас были эти часы. Я могла гладить тебя часами. Молча. Я очень любила твое тело. Просто поглощала твою обнаженность. По-моему, тебе даже иногда неуютно от этого моего взгляда становилось. Это не было безумием. У меня никогда фетишизма не было, не возникало желания завернуться в твою футболку, чтобы запах сохранялся. Все было в абсолютной осознанности. Я научилась тобой любоваться также как и ты мной. И мне нравилось абсолютно все, что ты делал с моим телом. Оно отзывалось. Любое прикосновение было чувствительным. И давало такие разные ощущения, что я еще какое-то время их переживала и осознавала. А любая близость была космической, где бы и как это не происходило. Я просто растворялась в тебе, и ничего кроме этого момента в жизни не было. И еще долго не было.

Да, я с тех пор с удовольствием замечаю мужскую и женскую красоту. Мне даже неважно, сколько лет человеку. Я вижу детали. Это не имеет ничего общего с вождением, это исключительно эстетическое восприятие тела. Любование.

И еще твоя улыбка. Глубокая. Я бы сказала, вторая. Ты сначала улыбался обычной, но потом, если радость была сильной, улыбался этой. Той, которая в машине, я писала. Мы не замечаем таких деталей о себе, но запоминаем в близких нам людях. Потом я приклеивалась к человеку, у которого было хотя бы подобие той твоей улыбки. Аналог...

Уже в нашей новой жизни я готова была клоуном подрабатывать, чтобы ты так улыбался, но нет.

И у тебя удивительно красивый голос. В те моменты, когда ты испытывал желание. Я его тоже помню.

И было еще кое-что. За все то время ты ни разу, ни одного слова не сказал мне о своей жене. Хотя тебе было что сказать. Все вокруг жаловались, поминали всуе...

Я знаю совершенно точно, что если бы ты начал говорить о том, что тебя не любят, не ценят, не понимают, волшебство бы прошло. Но ты ничего такого не говорил, и я за это уважала и любила тебя еще больше. Почему-то для меня было важно, что ты именно так ведешь себя по отношению к женщине, которая родила тебе ребенка и была с тобой во время твоих передраг.

Хотя у самой меня было к ней определенное отношение. Такое, которое позволяло мне не испытывать никакого чувства вины за мою к тебе любовь. Ну, я ведь и не планировала с ней конкурировать. В некотором смысле я ей даже помогала. Я со всей силы любила тебя, и это поддерживало тебя во всех остальных твоих процессах.

Я так благодарна тебе за это время. Мне страшно представить, что было бы со мной, не переживи я все это. Я до тебя и я после тебя – это просто два разных человека. Второй мне нравится больше. У меня ушли все ненужные игры. Я перестала придумывать всякие глупости. Я научилась быть благодарной жизни за любое мгновение, а не париться по по-

воду того, что у меня чего-то нет. Я научилась обнуляться и принимать другого человека, не навешивая на него своих представлений о том, как все должно быть. Жизнь стала полной и реальной. Хотя до этого момента пришлось пережить еще кое-что.

Письмо 9

Войну всегда развязывает женщина. Я хорошо помню, как и почему.

Ты подарил моей коллеге на день рождения тестовую помаду. Она порадовалась. Мы поржали. Мы в то время тоже очень успешно тырили рекламную продукцию. У меня о сих пор есть поднос «Толстяка» и ветровка «Клинского». У нас целая технология легкой руки была разработана – я безошибочно выбирала пачку, в которой лежали лучшие призы, а Таня угадывала сами призы.

Но потом на мой день рождения ты подарил мне тушь. Это меня задело. Здесь было много моментов. Первое – сравнение. Это значит, что я для тебя не больше чем она? Это было неприятное открытие.

Второе – ты мне всегда говорил, что я красивая и мне не нужно краситься. Пока не стал работать на этой своей косметической фабрике. Вот это задело еще сильнее. Моя незначимость для тебя. Что тебе жалко было вложить в меня время и подарить что-то за пределами рекламной продукции. Тем более тушь. С моими-то ресницами по Гоголю (Поднимите мне веки!!!)

Идея мести в голову пришла моментально. Через две недели я подарила тебе билеты к нам. Тебе, человеку с пожизненным бесплатным входом для себя и для того пар-

ня! Вобщем-то ответочка была вполне себе конгруэнтная. Я сильно ударила. У тебя в глазах такое было... Я это увидела и была счастлива. Попала куда надо.

Что случилось со мной, что вместо того тепла и света, который у меня был к тебе я стала злой? Что вместо того, чтобы тебя радовать, мне захотелось тебя ударить?

Не помню. Наверно, мне тебя очень не хватало, и я на тебя злилась. Прошло почти двадцать лет, а это мало изменилось. Когда мне тебя не хватает, я злюсь. Но сейчас мне некогда выращивать и лелеять свою злость – ну царапнуло неприятненько, но не смертельно.

А тогда ты был самым важным. Никакой созависимости. Я жила без тебя и получала радость от жизни. Я не помню, когда у меня произошел перелом от истероидной личности с надуманными и наигранными страстями к ежедневному гедонизму, но к тому моменту я уже активно получала радость от каждого дня. Но, видимо, отчаянно скучала фоном.

Как ни крути, а наша полоса раздора началась. Ты долго обижался, но потом тебя перевели в Москву. Ты сказал это так мимоходом, как будто сообщил, что в магазин за хлебом пойдешь. А я поняла, что грядут большие перемены.

Честно, я вообще больше особо ничего не помню. А номер твоей машины помню до сих пор.

344 – у меня даже в телефоне теперь эти цифры. Машина была соучастницей, а потому входила в круг приближенных лиц.

Ну вот и все. Остался тот последний финальный аккорд, после которого тебя в моей жизни уже не было.

Ты уехал в Питер на предновогодний корпоратив. И ждал меня там. Мы договорились встретиться, ты должен был позвонить. Я ждала весь день твоего звонка, а ты ждал весь день, что я позвоню в гостиницу, потому что у тебя украли телефон.

Я не понимала, что происходит и приехала на вокзал. У меня же был к тебе тот самый новогодний подарок – диск, куда я накидала свои мысли о тебе. Как раз про счастье, когда ты дома у меня на сундуке лежишь.

Я так никогда и не узнала, прочитал ты это или нет. Судя по тому, как ты удивился, что я пишу, скорее нет. Хотя с другой стороны, наш общий друг, которому ты сказал, что прочитал мою книгу, удивился тоже, а ведь я ему в армию писала по 12 листов а-3 формата в каждой строчке с двух сторон. Одно письмо – одна общая тетрадь... У него то как раз и с головой, и с памятью все в порядке.

Я его просила потом, лет десять спустя дать почитать, что хоть я там писала, но он отказался.

Ты мне очень удивился и был такой благостный – ты усмотрел во всем этом знаки. Меня трясло, я пыталась до тебя достучаться. Я же здесь, какие тебе еще нужны знаки. Но чем больше я пыталась до тебя достучаться, тем тверже ты был в своем решении. На меня накатывала такая ярость, она просто распирала меня изнутри и я поняла, что все. Я

сдаюсь. Мои шаги закончились. Я сказала, что я тебя ненавижу. Ты ответил «Пусть так, если тебе легче».

Я развернулась и ушла. Навсегда. Я так отрезаю. Я бьюсь и верю до последнего, я готова держаться очень долго, я иногда остаюсь одна среди пепла всеобщего пессимизма и вытягиваю своей верой из очень безвыходных ситуаций, но когда это последнее наступает, то я не сомневаюсь в своем выборе. Я хорошо помню тебя съездившегося с чемоданом на колесиках.

Мы потом еще пересекались несколько раз. Но я уже отгородилась стенами. Я тебя из своей жизни уже вычеркнула. Навсегда. Ненавижу – не вижу на этом свете. Нет тебя. Не было.

Дальше моя история уже без тебя. Я про тебя ничего знать не хотела и не знала. Я поставила такую стену, что информация до меня просто не доходила.

А вот со мной стали происходить настоящие чудеса. Не всегда со знаком плюс, но всегда знаковые. Ох уж эти знаки!!!

Письмо 10

Первая полоса началась сразу после твоего отъезда. Было 30 декабря, завтра Новый год. Назавтра я утром как сомнамбула встретилась с директором Торбы, договорилась о том, что заеду к ним на концерт после нового года и свалилась у подружки дома с температурой за сорок. Причем свалилась – это буквально. Тот новый год начался по телевизору под гимн в обработке Пятницы, причем мы с подружкой отанцевали его, переключили на другой канал, а там еще куранты не били. И тоже после курантов гимн Пятницы. Такая вот петля времени. Очень символично, зная последующее развитие событий.

Так вот я оттанцевала и упала. У меня закончились силы. Подруга попробовала подождать и пошла гулять одна. С температурой за сорок далеко не догуляешь.

А я осталась одна входить (а точнее влезать) в удивительный год моей жизни. Если не ошибаюсь, 2004 год.

Скорее всего, всю цепочку событий я и не вспомню. Наверно, я бы долго еще болела, все-таки с мясом вырвать из себя то, что вросло в каждую клеточку – большой шок. Но моя питерская Гуру, по совместительству очень мощный человек и подружка по дури предложила поехать в Коробицыно покататься на лыжах. Причем не только с ней, а еще со своим партнером. Сейчас это называется тренер личностно-

го роста, а тогда я даже не помню, как мы их обозначали.

Но в эту тусовку была звана еще одна мифическая личность – Бармалей, Олег Дмитриевич Барнаулов, вполне себе реальный академик, а сейчас крутой фитотерапевт, который каждое лето уезжал собственноручно собирать травы в какое-то мистическое место. Нам про это место много рассказывали, и конечно, я мечтала туда попасть.

Я просто не могла упустить такой шанс. Я вообще использую шансы, это сильная моя сторона. Тем более вечером все равно вставать, я была звана на концерт Торбы-на-Круче. К тому моменту у меня уже сложились очень нежные отношения с тремя ребятами из группы и их директором.

Вот мы и рванули в Коробицино. Я была очень слабенькой и соображала плохо, но была полна решимости. Наташка дала мне комбинезон, чтобы было в чем кататься, я переложила туда кошелек.

Мы всю дорогу болтали с Бармалеем, познакомились. Два часа на машине, и вот я уже как собачка раздувая ноздри, смотрела на работающий подъемник. В Ярославле с горнолыжкой тогда было не особо. И сейчас-то не особо, а тогда все вообще в зачатке было. Дешевле было в горы выбраться, чем с наших 200 метров пару выходных покатать.

Пока мы брали лыжи в прокат, пока еще какая-то суета, в Коробицино отключили свет. Без надежды на быстрое восстановление.

Мы час там потусовались, но стало понятно, что не до-

ждемся. Я отдала комбинезон Наташке. Наташка ехала на дачу, Бармалей сотоварищи возвращался в город. Я поехала с ними. Они звали меня в гости, и это было нереально интересно, не каждый день общаешься с академиком медицины.

Так то академиками меня было не удивить. Мой папа ученый, я с детства видела этих академиков. Но этот был особенный. Он изучал ту культуру, от которой меня шарашило с самого детства. Если я зачем-то и пошла учиться на исторический, то только из-за изучения славянской культуры. Но у нас с этим было не очень, экспедиций не организовывали и долго я не продержалась. Так что Бармалей был для меня просто кладезью бездонной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.